

Никитина Наталья Викторовна

студент магистратуры
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

Егерова Олеся Александровна

Заведующий кафедрой гражданского права
и процесса, доцент кафедры гражданского
права и процесса
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

**РОЛЬ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ УСЛОВИЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧРЕДИТЕЛЯ ЗА УБЫТКИ, ПРИЧИНЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ****Аннотация**

Анализируется развитие содержания принципа добросовестности и его роль в формировании стандартов поведения учредителя как субъекта корпоративных отношений. Раскрывается фидуциарная природа корпоративной добросовестности, взаимосвязь нравственных и юридических начал, а также влияние отсутствия нормативных критериев на единообразие судебной практики. Особое внимание уделяется проблеме разграничения добросовестного предпринимательского риска и действий, совершенных недобросовестно и в ущерб корпорации. Обосновывается необходимость законодательного уточнения понятия добросовестности и введения презумпции недобросовестности участника при наличии конфликта интересов. Сделан вывод о трансформации принципа добросовестности из декларативного положения в действенный правовой инструмент, обеспечивающий баланс интересов, предсказуемость корпоративного поведения и укрепление доверия в деловом обороте.

Ключевые слова: принцип добросовестности, учредитель, корпоративные отношения

Принцип добросовестности является одним из основополагающих принципов гражданского и корпоративного права Российской Федерации. Его закрепление в п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ стало результатом продолжительного развития правосознания и формирования устойчивых этико-правовых ориентиров поведения участников гражданского оборота [5].

По мнению И.Е. Селезнева, первоначально добросовестность имела нравственную природу, отражая моральные нормы поведения личности, но впоследствии приобрела юридическое значение, превратившись в принцип, обеспечивающий справедливое соотношение интересов сторон и согласование права с нравственными началами [4, с. 177].

Между тем, несмотря на законодательное закрепление принципа добросовестности, до сих пор он не обладает достаточной определенностью при применении к поведению учредителей и участников корпораций. Законодатель связывает его преимущественно с деятельностью органов юридического лица,

ограничивая сферу реализации внешними управленческими функциями и оставляя вне правового регулирования вопросы внутреннего поведения участников, их фидуциарных обязанностей и ответственности за причинение корпорации убытков. Такая неполнота регулирования свидетельствует о необходимости дальнейшего развития доктрины корпоративной добросовестности, предполагающей включение в ее содержание критериев надлежащего поведения участников корпоративных отношений.

Е.А. Власова, О.А. Шубина справедливо отмечают, что в корпоративной сфере принцип добросовестности нередко сводится лишь к обязанности руководящих лиц действовать в интересах общества, в то время как поведение учредителей также подчиняется тем же правовым стандартам, вытекающим из положений п. 3 ст. 307 ГК РФ [2, с. 69]. Однако, полагаем, что подобный подход неоправданно ограничивает сферу действия принципа и снижает его значимость как универсального регулятора корпоративных отношений, призванного распространять свои требования на всех участников корпоративного взаимодействия независимо от их статуса и степени участия в управлении юридическим лицом.

Принцип добросовестности в корпоративных отношениях представляет собой не просто нравственное правило поведения, а юридическое требование, направленное на обеспечение справедливого и устойчивого взаимодействия между участниками корпорации. Он объединяет в себе два взаимосвязанных начала, с одной стороны, закрепляет презумпцию правомерного поведения, согласно которой каждый участник предполагается действующим честно и разумно, пока не доказано иное. С другой стороны, добросовестность выражается в обязанности всех участников корпоративных отношений, включая учредителей, руководителей и иных лиц, принимать решения и совершать действия с учетом интересов корпорации, а не исключительно ради личной выгоды. Такое понимание придает принципу добросовестности нормативную значимость, превращая его из декларативной нормы в реальный инструмент регулирования корпоративных связей, способствующий укреплению доверия и законности в деятельности юридических лиц.

Как указывает Р.М. Батчаев, при введении ст. 53.1 ГК РФ законодатель стремился сформулировать единый стандарт поведения для всех лиц, чьи решения или действия определяют деятельность юридического лица, независимо от его организационно-правовой формы [1, с. 150]. Установленные в законе критерии

разумности и добросовестности определяют границы допустимого усмотрения, выход за которые превращает действия лица из правомерных в виновные и влечет наступление юридической ответственности.

Принцип добросовестности в корпоративных отношениях невозможно рассматривать изолированно от категории фидуциарной обязанности. Учредитель, наделенный правом определять направления деятельности юридического лица, по своей сути выполняет функцию доверительного управляющего корпоративными интересами.

Добросовестность, при этом, выполняет не только оценочную, но и превентивную функцию, направленную на предупреждение конфликта интересов и обеспечение приоритета интересов корпорации над личными выгодами ее участников. Отсутствие в законодательстве четко сформулированной фидуциарной обязанности учредителя приводит к тому, что пределы его усмотрения определяются судебной практикой по конкретным делам, без единых критериев.

Также А.В. Маргиев отмечает, что ответственность учредителя вытекает не только из его формального статуса, но и из фактической возможности влиять на деятельность корпорации [3, с. 99]. В соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ лицо, способное определять решения общества, обязано действовать добросовестно и разумно, руководствуясь интересами юридического лица, а не личными выгодами. Несоблюдение данного стандарта влечет гражданско-правовую ответственность в виде обязанности возместить причиненные убытки в соответствии с п. 1 ст. 15 ГК РФ.

Следует отметить, что действующее законодательство определяет категории разумности и добросовестности в слишком общем виде, что затрудняет их применение в корпоративной практике. В отличие от руководителей, чьи обязанности четко установлены законом, участники корпорации действуют в пределах диспозитивных прав, где границы ответственности не имеют однозначного очертания.

Особое значение имеет разграничение ответственности учредителя от ответственности иных участников корпоративного управления. Учредитель выступает не только как инвестор, но и как субъект, формирующий правовую и экономическую основу деятельности юридического лица. Его решения оказывают влияние на стратегию развития, структуру капитала, распределение прибыли, а в ряде случаев на выбор руководящих органов. Такое положение объективно создает более высокий риск злоупотребления корпоративными правами, особенно при совмещении роли

учредителя и руководителя. Поэтому применение к учредителю единых с иными участниками критериев разумности и добросовестности недостаточно. Целесообразно формировать для него особый стандарт поведения, включающий обязанность действовать не только в пределах формальных прав, но и с учетом интересов корпорации как самостоятельного субъекта гражданского оборота. Подобный подход согласуется с фидуциарной природой корпоративных отношений, где каждый участник несет обязанность лояльности по отношению к корпорации и должен воздерживаться от действий, ставящих под угрозу ее имущественную устойчивость.

Отсутствие в законе критериев, позволяющих различать недобросовестное поведение и допустимые действия, совершаемые в пределах предпринимательского риска, создает ситуацию неопределенности. Соответственно, вопрос о наличии или отсутствии вины учредителя фактически решается по усмотрению суда, что приводит к неодинаковому толкованию одних и тех же норм и снижает стабильность корпоративного регулирования.

Таким образом, отсутствует нормативное разграничение между ошибкой, допущенной при принятии предпринимательского решения, и недобросовестным поведением, совершенным в ущерб корпорации. Такая неопределенность ослабляет значение принципа добросовестности как правового регулятора корпоративных отношений и снижает эффективность гражданско-правовых механизмов защиты интересов общества. Представляется, что устранить обозначенную проблему возможно путем закрепления на уровне закона презумпции недобросовестности участника корпорации, если его действия совершены при наличии конфликта интересов и повлекли причинение корпорации убытков. С этой целью предлагается дополнить ст. 53.1 ГК РФ новым положением, в котором отразить, что «действия участника (учредителя), совершенные при наличии конфликта интересов и повлекшие убытки корпорации, предполагаются недобросовестными, если не доказано иное». Полагаем, что такое уточнение конкретизирует содержание принципа добросовестности и придает ему доказательственное значение. Оно согласуется с положениями п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, а также корреспондирует с п. 1 ст. 15 ГК РФ, закрепляющим обязанность лица возместить причиненные им убытки.

Также следует особо подчеркнуть, что в перспективе закрепление подобной нормы будет способствовать формированию устойчивого стандарта корпоративного поведения, основанного на фидуциарной ответственности и справедливом

распределении рисков между участниками и корпорацией. Добросовестность в таком понимании превратится из декларативного принципа в действенный правовой инструмент, обеспечивающий стабильность корпоративных связей и укрепляющий доверие в деловом обороте.

Список использованных источников

1. Батчаев Р.М. Особенности гражданско-правовой ответственности юридического лица // Трансформация научных исследований: инновационные подходы к решению задач. Краснодар: Российское энергетическое агентство, 2025. С. 149-158.

2. Власова Е.А. Добросовестность участников (учредителей) корпорации // Фундаментальные и прикладные научные исследования: инноватика в современном мире. Уфа: Вестник науки, 2023. С. 68-75.

3. Маргиев А.В. Особенности привлечения к субсидиарной ответственности учредителя (участника) ООО, являющегося контролирующим лицом должника // Современные исследования как фактор устойчивого развития. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2025. С. 98-105.

4. Селезнев И.Е. Принцип добросовестности в системе принципов гражданского права и правоприменительной практике // Право и управление. 2025. № 2. С. 177-179. DOI: 10.24412/2224-9133-2025-2-177-179. EDN: XVZENU.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.